

широко используется в этих двух значениях в зависимости от контекста.

Итак, человеческая культура как предмет исследования этнографии расчленяется субъектом исследования на посильные для него части, которые в конечном счете и выступают в роли конкретных «этносов», независимо от того, насколько случайно их выделение. Объективность этого выделения заключается в том, что различия в культуре проявляются не одновременно как для носителей культуры, так и для исследователя. В одних случаях «культурный круг» («этнос») определяется путем указания на этноним или географические границы. В этих случаях исследование затрагивает все морфологические слои культуры. В других случаях «оставляется» только один слой культуры, образующий собой круг данного исследования. Таким образом, конкретным объектом исследования, т. е. конкретным «этносом» может оказаться все что угодно: культура русских, материальная культура нивхов, современная молодежная субкультура, мифология аборигенов Австралии, восточнославянская сказка и т. п., поскольку все явления, стоящие за этими понятиями, удовлетворяют требованию относительной целостности. Суть дела, кажется, не в том, что эти «социальные организмы» (в качестве информационных аспектов человеческого существования) сами по себе «не имеют ног», а в том, что мы при построении объектного мира этнографии должны абстрагироваться от физического существования членов популяций, являющихся их материальными носителями.

Этнос и нация. К проблеме разграничения понятий

Проблема этноса как проблема построения некоторого теоретического объекта включает в себя две взаимосвязанные задачи. С одной стороны, мы должны абстрагироваться от понятия группы («популяции»), с другой — от понятия нации («социального организма»), а через него от понятия государства. Однако наиболее радикальным и в то же время понятным способом «разъединить» понятия этноса и нации является взаимоопределение нации и государства. Используя гегелевские термины, мы определяем нацию как «инобытие», или «свое другое» государства (не путать с концепцией «на-

ции-государства»). Еще в «Немецкой идеологии» говорилось, что гражданское общество «выступает вовне в виде национальности и строится внутри в виде государства». Согласно С. М. Широкогову, термин «нация» подразумевает государство, если не существующее, то *in spe* [Широкогов 1923 : 14].

На практике проблема определения этноса всегда сводится к проблеме абстрагирования от понятия государства как некоторой материальной сущности (население—территория). Впервые этот вопрос был поставлен в момент рождения этнографии как вопрос отделения «истории народов» от «истории государств». Впоследствии к нему вернулся С. М. Широкогов, настаивая на отказе от понятия нации как неэтнографического, т. е. ассоциирующегося с государством. Вновь возвращаясь к этому вопросу, мы как бы начинаем третий цикл.

Как уже отмечалось, в роли материального репрезента теоретического объекта исследования этнографии выступает «народ», или «нация» как группа людей, населяющая определенную территорию и ведущая обособленный образ жизни относительно других сопоставимых с ней групп людей. В этом плане эндогамность выступает лишь в качестве одного из множества способов проведения границ, наподобие границ природных, административных, государственных, экономических, иерархических, религиозных, языковых или культурных. При определении нации все эти аспекты человеческого существования берутся только со стороны свойства быть границей между людьми. Таким образом, при постановке проблемы этноса («если мы говорим об этносе, то это именно о нем мы говорим») необходимо абстрагироваться от нации, определенностью которой является граница. Определенностью этноса является различие. Наша неспособность развести понятия границы и различия логическими средствами приводит к смешению понятий нации и этноса при решении конкретных научных и даже прикладных задач.

В связи с этим бросается в глаза одна деталь в токаревском определении этнографии как дисциплины. Модель «народ и культура» подразумевает, что понятие народа не нуждается в определении посредством общности культуры, ибо оно каким-то неизвестным образом определяется нами *a priori*, до момента соединения с понятием культуры посредством союза «и». Подобных примеров множество. Всякий раз, когда стано-

вится необходимым указать на предметную область этнографии, народ противопоставляется своей собственной культуре как нечто определяемое помимо общности культуры, в которой (общности. — П. Б.) постулируется единство самого народа. Естественно возникает вопрос: как вообще возможно разделить народ (этнос), мысля его отдельно от его культуры? Только как «организованную группу людей». Но тогда что может их связывать помимо общих признаков культуры? Остается только один признак, который этимологически заложен в самом слове «народ». Это признак единства происхождения. Согласно С. М. Широкогорову, этнос (народ) отличается от нации единством происхождения [Широкогоров 1923 : 14].

Приняв эту посылку, мы обязаны принять и заключение: этнос — биологическая популяция. Но есть довольно простой выход из этого противоречия. С одной стороны, нельзя отрицать существование «народов», т. е. больших или малых групп населения с преобладанием внутренних браков, характеризующихся наличием общих черт культуры и осознанием этой общности как общности происхождения. С другой стороны, нет никаких оснований считать, что такие «культурные популяции» являются объектом исследования этнографии.

Существует, кажется, только одна область этнографических исследований, где данный призыв не работает. Это — этническая история (теория этногенеза). Необходимость этнической истории как самостоятельной субдисциплины принято обосновывать особым комплексным методом исследования. В свою очередь специфика этого метода осознается как необходимость универсального знания в различных областях науки. По мнению А. Н. Анфертьева, ученый, специализирующийся в изучении этнической истории, должен *в более или менее равной мере* владеть знаниями по этнографии, археологии, лингвистике, физической антропологии и т. д. [Анфертьев 1993 : 64]. Можно привести еще целый ряд высказываний других исследователей, смысл которых сводится к одному и тому же: этническая история — это наука, использующая комплексный метод в целях изучения этапов сложения культуры данного народа. Ситуация очень напоминает стремление определить этнографию как науку, использующую метод непосредственного наблюдения. В отношении этнографии в целом мы уже подчеркивали, что ее специфика определяется не методом, а предметом исследования. Аналогичным образом мы можем утверж-

дать, что предметом этнической истории является «история народов» и именно в том значении, в котором этот термин впервые встречается у автора термина «этнография» Шлёцера.

В некоторых работах, посвященных проблемам этногенеза, наряду с указанием на комплексный метод внимание акцентируется на таких структурах, как «население—территория» и «предки—потомки» [Решетов 1993 : 37—47]. Согласно В. П. Алексееву, «этногенетическая реальность» — это генетическое родство народов [Алексеев 1986 : 9]. Внутри «науки об этногенезе» все «исторические» дисциплины фактически рассматриваются в качестве вспомогательных по отношению к физической антропологии и географии [Алексеев 1986 : 11—20]. Еще Ратцель в «Антропогеографии» говорил, что изучение географического распространения этнографических предметов имеет особую ценность для *истории народов* (курсив наш. — П. Б.), которые рождаются и умирают [Ratzel 1912 : 388, 389].

Итак, по контексту этногенетические исследования, или изучение истории народов, — это исследования биографии народов, наподобие биографий людей как живых существ, от их рождения до смерти. Сходство/различие языка и культуры рассматривается только в качестве признака биологического родства популяций, именуемых народами. Ход рассуждений в таких случаях примерно следующий: если современный народ (население данной территории) обладает или не обладает такими-то антропологическими признаками и при этом обладает или не обладает такими-то признаками культуры, он является потомком древнего населения, обитавшего на такой-то территории. Для иллюстрации достаточно взять многочисленные исследования, связанные с поисками «прародины» того или иного населения. Отсюда совершенно очевидное преобладание интереса к материалам по физической антропологии, выводы которой рассматриваются как истина последней инстанции. Неслучайно автором эталонного труда по теории этногенеза стал не этнограф, а В. П. Алексеев, исследователь в области физической антропологии.

В этом плане известный скептицизм западных ученых в отношении этногенетических исследований кажется малообоснованным. Склонность американских антропологов трактовать предмет своего исследования, скорее, с биологических позиций делает культурную антропологию чем-то вроде «общей теории

этногенеза», особенно при сравнениях с теорией этносферы Л. Н. Гумилева. Расхождение сводится лишь к уровню человеческой популяции, оказывающейся в фокусе рассмотрения, — отдельный народ или все человечество (как совокупность народов). Если советская этнография занималась поисками прародины отдельных народов или языковых семей, поскольку устанавливала более четкие границы между социальным и биологическим (т. е. между культурной и биологической антропологией), американская антропология, не придающая данному разграничению определяющего значения, сосредоточивается на поисках прародины человечества, или стартовой площадки человеческой цивилизации.

Этническая история — это пуповина, которая соединяет современную этнографию с нарративной историей, из лона которой она когда-то вышла. Этим отчасти объясняется то упорство, с которым ученые, занимающиеся проблемой этноса, продолжают утверждать, что изучают народы, тем самым отождествляя понятия этноса и нации. Согласно Шлёцеру, «этнографический метод» предполагает деление населения земли в соответствии с известными, более или менее случайными, признаками сходства, превращающими некое множество людей в нечто единое, называемое «народом» (Volk) [цит. по: Stagl 1974 : 77]. Подобно тому как отдельный человек имеет *биографию*, группы людей, объединенные в государство, имеют *этнографию* (курсив наш. — П. Б.) [ibid.: 79]. Ср. также понятие «этнической истории» и понятие истории как биографии культур Шпенглера.

По мнению Шлёцера, понятие народа является более «широким» и более «высоким» по отношению к понятию государства, поскольку, с одной стороны, существуют народы, пережившие свое государство (евреи), а с другой — народы, никогда не объединявшиеся в единое государство (греки, славяне, немцы) [ibid.: 77, 78]. Во многих отношениях рассуждения Шлёцера перекликаются одновременно с работами Ю. В. Бромлея и Л. Н. Гумилева. Особенно любопытно, что он писал об изучении отдельных народов «от их рождения до смерти» [ibid.: 79]. Эта идея рождения и смерти обществ, народов, культур позже повторяется в работах Фробениуса, Ратцеля, Дюркгейма, Шпенглера, Широкогорова, Гумилева. На наш взгляд, подобная «биологизация» является одним из проявлений логической трудности, всякий раз возникаю-

щей в тот момент, когда мы пытаемся отделить в мышлении понятие этноса («культуры») от понятия нации («народа»/«расы»/«популяции»). Логическая трудность усиливается психологической, чаще всего возникающей в связи с интересом к истории «своего» народа. В интересе исследователей к генетическим корням своей эндогамной общности нет ничего предосудительного, однако этот интерес часто переносится на проблему определения объекта исследования этнографии. Как следствие формулировки этноса, не включающие в себя понятия «группа людей», воспринимаются как своего рода запрет на этногенетические исследования. Зачастую с интересом к этногенезу ассоциируется и интерес к «политогенезу», отношению между «своим» и «чужим» государством в прошлом, настоящем или будущем.

Действительно, принцип демаркации понятий народа (этноса) и нации (государство) легче провозгласить, чем осуществить. Как известно, на Западе даже в практике повседневного словоупотребления понятия нации и государства отождествляются. Со словом «государство» связано представление о некотором населении с единым центром власти и территорией, имеющей определенные границы. Но, поскольку народ (нация) — это тоже население со своей территорией, т. е. границами расселения, разделить понятия народа и государства даже в представлении оказывается достаточно сложно, тем более что признак единства самоуправления изоморфен признаку единства происхождения. Именно поэтому через сто пятьдесят лет после объявления об отделении «истории народов» от «истории государств» С. М. Широкогоров вновь вернулся к этому вопросу, говоря, что «нация» определяет собою группу людей, объединенных в государство [Широкогоров 1923 : 14]. Еще через пятьдесят лет Ю. В. Бромлей в сущности повторил тезис С. М. Широкогорова, заявив о необходимости разграничить понятия «этника» («собственно этноса») и «этносоциального организма», опираясь на введенное Ю. И. Семеновым понятие «социальный организм», которое является не чем иным, как эвфемизмом государства [см.: Семенов 1966 : 88—106], если под государствами понимать большие группы людей, отделенные от других подобных групп территориальными границами и особой формой централизации власти. (По Ю. В. Бромлею, социальные организмы — это «самостоятельные единицы социального развития» [Бромлей 1973 : 13]).

Блуждать в лабиринте близких по значению терминов можно до бесконечности. Поэтому единственно возможный способ избавиться от противоречий при построении объекта исследования этнографии — полностью абстрагироваться от понятия «группа людей» при определении этноса, оставив только признаки культуры. Понятие «группа людей» — это то, что «склеивает» между собой понятия этноса, нации и государства, препятствуя научному определению этих понятий. Если мы определяем объект этнографии как группу людей, то понятие нации имплицитно подменяет собой понятие этноса, а этнос в свою очередь в явной или неявной форме трактуется как биологическая популяция. Анализируя высказывания различных исследователей, можно сделать вывод, что ключевым признаком этноса всегда выступает единство происхождения. В терминах Фихте это «основоположение» существующей теории этноса, то есть положение, из которого выводятся и к которому сводятся все другие положения. Признаки эндогамности, общности территории, общности исторической судьбы, общности культуры и т. п. выступают в качестве более слабых аналогов признака единства происхождения.

С этой точки зрения расхождение между Л. Н. Гумилевым и Ю. В. Бромлеем является, скорее, вопросом последовательности в отдельных высказываниях, а отчасти вопросом взаимоотношения между этнографией и нарративной историей. Если бы не многочисленные «помехи», создаваемые идеологическим фоном, можно было бы сказать, что эта борьба своими корнями уходит в эпоху первоначального становления этнографии как «географии и истории» (по Миллеру). Особое внимание Л. Н. Гумилева к географии при определении объекта исследования этнографии является знаком того, что он выступал как этнограф в большей степени, чем Ю. В. Бромлей. Спор между Л. Н. Гумилевым и Ю. В. Бромлеем во многом был спором между этнографом, придерживающимся концепции географического детерминизма, и историком, для которого моделью служили исследования по истории европейских национальных движений. Естественно, для одного предметом исследования выступает культура как «живой организм», для другого — нация как «историческая общность». Борьба между этнографом и историком с переменным успехом происходит и внутри каждого из двух «учений об этносе» с той лишь разницей, что в теории Л. Н. Гумилева победа остается за этнографом

(в данном случае именно благодаря «биологизации» этноса как проявления «сверхэтнографичности», характерной для немецкой школы этнологии), а в теории Ю. В. Бромля — за историком.

В рамках марксистской науки этнография была обречена на «историзм» исторической наукой в том узком понимании, которое подразумевало обязанность решать научные задачи по образцам нарративной истории. На практике это осуществлялось в исследованиях по этногенезу и этнической истории, а в теории — в построениях стадийных схем развития этнической общности [Токарев 1964 : 53]. Собственно говоря, это и создало почву для институционализации чуждого для этнографии подхода к определению объекта исследования. Этнография является исторической наукой не больше и не меньше, чем любая другая наука, ибо «историчность» как таковая заключается в использовании сослагательного наклонения (в этнографии — метода «пережитков»). По мнению Б. С. Грязнова, в отличие от естествоиспытателя «историк всегда имеет дело лишь с „обломками” или „элеметами” прошлого, которые в той или иной форме существуют в настоящем» [Грязнов 1982 : 108]. Однако естествоиспытатель не менее часто попадает в положение историка, когда исследует происхождение вселенной, солнечной системы, планеты Земля, происхождение видов и т. п. Вообще естественные науки пришли к идее исторического развития едва ли не раньше, чем нарративная история. С другой стороны, по мере совершенствования методов нарративной истории сами историки все чаще и чаще обращаются не к диахроническим, а к синхроническим исследованиям, занимаясь изучением отдельных эпох и событий, т. е. абстрагируясь от временного ряда.

Теория этноса Ю. В. Бромля является, скорее, теорией нации, следовательно, ближе к нарративной истории как «истории государств». Разумеется, в историческое время культурные различия используются в качестве материала при создании государственных образований, именуемых нациями. Мы не отрицаем этот факт, мы лишь утверждаем, что он не имеет решающего значения при определении объекта этнографии. Историк не то чтобы прямо изучает, но подразумевает в своих исследованиях конкретные нации, причем контаминация понятия нации понятием государства неизбежно придает объекту исследования свойство конкретности, единичности, воплощаясь

в реальных, положенных на географическую (политическую) карту демографических образованиях. Конечно, для этнографа география (пространственные построения) также имеет значение, но на совершенно другом уровне. Этнографию в конечном счете интересует не какая-либо конкретная территория с ее природными условиями, а формы природных условий, результат некоторой абстрагирующей деятельности, нечто общее для отдельных территорий, даже расположенных в разных частях света. Это идет еще от Миллера с его рекомендацией описывать народы в соответствии с занимаемой природной нишей (степные народы, лесные народы и т. д.).

Этническая непрерывность

Еще до того как С. М. Широкогоров ввел понятие этноса, термин «нация» употреблялся этнографами несколько отличным от историков образом. Для этнографа название той или иной современной нации до сих пор есть один из способов выделения объекта конкретного исследования. В XIX—начале XX в. полевые исследователи называли «нациями» выделяемые ими по тем или иным признакам общности аборигенов Австралии независимо от численности принадлежащих к ним людей и величины территории расселения. Как правило, такие «нации» («маленькие нации») рассматривались как объединения «племен», хотя одни исследователи называли «племенами» эндогамные, а другие — экзогамные единицы [Wheeler 1910 : 20, 21; Cameron 1875 : 345; Dredge 1845 : 7, 38; Parker 1854 : 11, 12; Taplin 1874 : 1]. Данный факт интересен в двух отношениях. Во-первых, до начала XX в. термин «нация» использовался этнографами для обозначения групп людей, живущих в обществе, где отсутствует сама идея государства. Во-вторых, «нации» и «племена», выделявшиеся полевыми этнографами-любителями, казалось бы, на совершенно объективных основаниях (например, по признаку языка, эндогамии и пр.), впоследствии стали трактоваться профессиональными этнографами как фикция. Вместе с тем, как заметил Н. Петерсон, неким парадоксальным образом даже те австраловеды, которые относятся к понятию племени весьма скептически, продолжают пользоваться названиями, всегда считавшимися наименованиями племен. По его мнению, последнее указывает на полезность